

КРИТ

ФЕДРА

Мне было восемь, когда я впервые услышала, что думают о маме, хотя услышанного и не поняла. Я шла за мамой и Ариадной по улице. В свои одиннадцать или двенадцать лет сестра уже сравнялась ростом с большинством взрослых женщин. Я семенила вслед за ней и мамой, не сводя взгляда с их одинаково плавных походок и струящихся до бедер каштановых волос. Я мечтала поскорее стать такой же гибкой и изящной, как они.

Сейчас не припомню, куда мы тогда шли. Помню только, что отца рядом не было и нас окружала охрана — мужчины с длинными копьями, на улице не смевшие даже взглянуть на меня. В стенах дворца они часто улыбались мне, тайком от мамы предлагали сладости и рассказывали об оставленных дома дочках. С Ариадной они

так никогда не общались, хотя она была красивее меня.

Сестра сердито взглянула на меня через плечо:

— Не отставай, Федра.

Мама остановилась и повернулась ко мне. Удивительно, насколько они с Ариадной были схожи: сверкающими на солнце карими глазами, сияющей загорелой кожей. Будто Ариадна и не дочь своей матери, а она сама, только юная. Наверное, именно тогда я впервые осознала, что никакие годы не превратят меня, бледную, маленькую и пухленькую, в красавицу, подобную маме и сестре.

— Федра, ты идешь слишком медленно. Может, одному из охранников отнести тебя во дворец?

Уверена, мама предложила это из беспокойства, однако даже сейчас я помню вспышку унижения, пронзившую меня при мысли о том, что меня внесут в ворота дворца, как мешок с зерном. Ариадна усмехнулась.

— Нет, мама, — решительно мотнула я головой.

— Тогда, пожалуйста, не отставай.

Она отвернулась и возобновила шаг. Наша небольшая заминка привлекла внимание крестьян, трудившихся в поле. Они уставились на нас разинув рты. Я не боялась. Что крестьяне могут нам сделать? Нас охраняло ни много ни мало восемь вооруженных солдат, и каждый из них держал ладонь на рукояти меча или древ-

ке копья. Мы члены царской семьи. Никто не смеет нас тронуть.

А потом один из крестьян что-то крикнул. Непонятное мне слово, ни разу не слышанное ранее. Мама оступилась и сбилась с шага. Я озадаченно нахмурилась. Мне показалось, что она отреагировала на сказанное и брошенное слово ранило ее. Но это ведь невозможно. Я подбежала к маме и заглянула ей в лицо. Оно было белым как полотно. Ариадна шла по другую сторону от мамы, сжимая ее руку. Мы обменялись с ней непонимающими взглядами.

— Прояви уважение к своей царице! — рявкнул один из солдат, стукнув древком копья о землю.

Я закашлялась от поднятого им облака пыли.

Мама пару раз моргнула, затем медленно выпрямилась в полный рост.

— Оставь их. Мы не враждуем с крестьянами.

Солдат коротко кивнул, и мы двинулись дальше. Шагая по обе стороны от мамы, мы с Ариадной время от времени переглядывались, пораженные проскользнувшей в ее голосе ноткой страха. Мы никогда не видели маму такой сокрушенной. Однако верного вывода я в тот момент так и не сделала: что, несмотря на текущую в наших жилах царскую кровь и сопровождение мужчин, в единственную обязанность которых вменялась охрана нас, мы все равно были уязвимы.

Позже, когда мы с сестрой готовились ко сну, мама зашла в нашу комнату. Ариадна,

не говорившая со мной весь вечер, расчесывала волосы. Я щурилась в умывальник, тщетно пытаясь добиться того, чтобы мои синие глаза в тусклом свете казались ореховыми.

Мама села на мою постель и без предисловий сказала:

— Девочки, вы уже достаточно взрослые, и вскоре до вас дойдут дворцовые слухи: сплетни, которые распускают наши слуги и подданные; слова, подобные тому, что сегодня вы слышали от крестьянина. Я хочу, чтобы вы знали: эти слухи неправдивы.

Заинтригованная, я обернулась.

— Какие слухи, мама? — спросила Ариадна, перестав причесываться. — О чем ты?

Мама судорожно вздохнула.

— Ходят сплетни, что я неверна вашему отцу, — объяснила она. — Красивые царицы окружены подобными слухами, в чем, боюсь, однажды вы убедитесь. И эти толки крайне редко бывают правдивы. В моем случае — уж точно нет. Ты поняла меня, Ариадна? Я никогда не изменяла твоему отцу ни с мужчиной, ни с... — мама умолкла, уставившись в пол, затем продолжила: — Ни с кем.

— Я поняла тебя, — отозвалась сестра. — И никогда в эти слухи не верила.

Зато я не понимала, о чем они говорят, и недоуменно смотрела на обеих. Я знала, что на сестру заглядываются придворные. Она сама мне рассказывала об этом, когда снисходила до разговора со мной. К маме тоже проявляют роман-

тический интерес? Я уже не в первый раз пожалела о том, что родилась девочкой, тем более младшей. Родись я мальчиком, мое будущее было бы полно возможностей. Мне же суждено лишь одно — стать царицей, притом куда менее значимой, чем сестра или мама.

Мама ушла столь же внезапно, как и пришла. Мне не хватило жеста нежности с ее стороны — хотя бы легкого поглаживания по голове, — но она не проявила чувств. Ариадна забралась в постель и отвернулась от меня: верный знак того, что она не намерена общаться со мной. Я сидела в тишине, вновь и вновь прокручивая в голове незнакомое слово: *kthenobate*. Оно как-то связано с животными? Что оно значит?

В тот день я могла прийти к двум умозаключениям, но выбрала неверное. Я слышала страх в голосе мамы, видела, как неловко и стыдно ей с нами говорить, и решила, что она в чем-то виновата. Каким-то крестьянам, без оружия и власти, удалось пошатнуть душевное равновесие царицы. Будь она безоговорочно верна богам, боги бы ее защитили. Будь она безгрешна, ее бы не страшило, что о ней говорят.

Правда мне открылась лишь десять лет спустя, когда Тесей приплыл на Крит в поисках власти, большей, чем мы могли ему дать: любому мужчине позволено бросаться словами, но платить за эти слова приходится женщинам.

Меж тем я вскоре выкинула из памяти это происшествие. Мне было чем занять свои мысли. Нам с Ариадной дали учителя, пытавшегося вложить в наши головы основные знания в разных областях. Мама, посмеиваясь, называла это причудой отца. Она прекрасно понимала, что нам подобное обучение ни к чему. Нам хватит и других умений: наносить на лицо краски и следить за тем, чтобы во дворце царил порядок, об уважаемых гостях хорошо заботились, а слугами должным образом управляли.

Однако отец, потерявший единственного сына, который погиб еще до моего рождения, хотел другого. А потому нас с Ариадной учили управлять государством, защищать свое царство и заботиться о том, чтобы крестьяне исправно выплачивали взносы в казну. Мы обходили рабов, тяжелый труд которых поддерживал жизнь всего Крита, и знакомились с представленными отцом вельможами. Последние порой являлись во дворец с детьми — чаще с сыновьями — в надежде пробудить во мне с сестрой любовь или хотя бы несвоевременную страсть, за счет чего повысить свой статус при дворе.

Нас обучали основам бухгалтерского учета, и мы с сестрой скрепя сердце выводили цифры, подсчитывая рабов. Учились мы неохотно и, боюсь, для нашего учителя, пожилого раба, были сущим кошмаром. Ариадне, при всей ее красоте, не терпелось выскочить на свежий воздух и по-

стрелять из лука по мишеням. Чего хотелось мне? Мной тоже владело совсем не женское желание — рисовать.

Крит славился множеством вещей. Гости восхищались архитектурными элементами Кносского дворца, подземными бассейнами, роскошными комнатами, даже нашей проточной водой. Подозреваю, что порой вельможи являлись пред очи отца, только чтобы окунуть руки в фонтан и увидеть, как грязная вода в каменных резервуарах сменяется чистой. Это вызывало у них детский восторг. Кносс был центром цивилизации, и мы понимали, что нам посчастливилось жить в нем. Или нам казалось, что мы это понимали: по-настоящему осознаёшь, насколько тебе с чем-то повезло, лишь когда это потеряешь.

Но прежде всего Кносский дворец славился фресками. Монументальные изображения, покрывавшие почти все стены, поражали своей красочностью и искусной прорисовкой. Случалось, посетители дворца пытались ощутить гладкость листьев, оглаживая их ладонями, или почувствовать сладость капающего с ложки меда, проводя по ней языком. Составляющие красок хранились в строгом секрете, известном лишь кносским художникам, не желавшим открывать чужеземцам свои рецепты.

После долгих и слезных уговоров отец уступил мне, позволив расписать внешнюю стену нашей с сестрой спальни. Мама тогда пришла в ужас: юной девушке не пристало заниматься

живописью. Но я обожала свой рисунок — неестественно изогнутых грифонов в розоватых и персиковых оттенках. Каждую свободную минуту я хвостиком следовала за художниками, мечтая получить дозволение поработать с ними.

На большей части фресок красовался знаменитый символ Крита — Критский бык. Меня он никогда не вдохновлял, хотя я ни за что не поделилась бы этой мыслью с другими. Учитель неустанно повторял, что мы потомки этого быка, в образе которого предстал сам Зевс, чтобы похитить нашу бабушку, Европу. От их союза и родился наш отец.

Поскольку Минос — сын бога Зевса, наша семья царила в Кноссе. Никто не осмеливался оспаривать это право, несмотря на уже почтенный возраст отца и отсутствие наследников мужского пола. Всем известно: боги своих не оставят.

А мы были вдвойне благословенны. Ведь моя мама также божественного происхождения: дочь бога солнца Гелиоса. Ее история — добрая, без обмана и соблазнения — мне больше по сердцу. Гелиос женился на океаниде, и та произвела на свет четверых детей, в том числе мою маму. Ариадна предпочитала эту историю по другим причинам. Устав от уроков, она лукаво заявляла: «Пришло время почтить дедулю», выбегала во двор и, раскинувшись на траве, подставляла солнцу уже загорелые руки и ноги. Нагулявшись же вволю, мы спу-

скались в манящий нас тайными радостями лабиринт — дворец под дворцом, со своими правилами и повелителем.

Так текли дни за днями: в приятном солнце-почитании, увиливании от уроков и тяжелом свинцовом запахе красок. Боги благословили нас, и я была им верна. Мама пыталась умерить мой пыл, предостерегала, что придет тот день, когда я выйду замуж и моя царская жизнь будет скована множеством условностей. Но я не особенно верила в это. Я верила в то, что дни безопасности будут длиться вечно и мы с Ариадной продолжим жить за завесой, скрывающей от нас подлинные мерзости мира. И, возможно, так бы оно и было, если бы не прибыла дань: девушки и юноши из Афин, а вместе с ними, конечно же, и Тесея, худшее из чудовищ.

КСЕНТИППА

Мы были данью, трибутами — четырнадцать юношей (если у кого-то повернется язык назвать Тесея юным) и четырнадцать девушек, собравшихся в главном зале Критского дворца — Кносского, как его именуют. Я не видела зала прекраснее этого. Высокие потолки поддерживали величественные колонны, столь широкие, что и руками не обхватить. Стены украшали рисунки — мне позже объяснили, что зовутся они фресками, — с изображением сцен из легенд о богах. Я выросла на легендах о том, что Зевс победил титанов, что боги являлись особенным женщинам и создавали полубогов — правящих нами царей, но прониклась ими только в эту минуту, увидев божеств на фоне небесно-голубых, густо-зеленых, ярко-золотых, кроваво-красных и пурпурно-винных оттенков

рописи. Центральное место занимала фреска с картиной основания Крита: Зевс, посещающий в облике белого быка Европу — мать царя Миноса, которого мы ждали в этом роскошном зале. Бык на рисунке был втрое больше меня и по меньшей мере в два раза крупнее изображенной там же стройной женщины. Я никогда раньше не размышляла об этом, заботясь о быке и телках отца, но сейчас вдруг подумала, глядя на фреску: может, это вовсе и не благодать — быть посещенной богом?

На глаза упала прядь волос, и я смахнула ее со лба. Над нами на приподнятом помосте возвышалась троица: царица и две принцессы. Царица и старшая принцесса оправдывали слухи. Высокие, намного выше меня и любого из прибывших со мной юношей, кроме Тесея. С густыми блестящими волосами, заплетенными в причудливые косы. Принцессу зовут Прекрасноволосой Ариадной. Карие глаза матери и дочери сияют, зубы белеют, точно мрамор. Когда они вошли, все юноши вокруг меня приосанились.

Младшая же принцесса, Федра... В Афинах о ней почти не говорят. Ее тоже причисляют к красавицам, но именно так, обезличенно: «Красивые женщины Крита» — и ни слова именно о ней.

Рассматривая ее, я была вынуждена признать: пусть она и уступает красотой сестре, но в ней что-то есть. Выделяющая ее черта. Светлые волосы, какие не часто увидишь у афинян,

и ярко-синие глаза. Уголки губ подрагивают, словно она молча смеется над известной только ей шуткой. Так что же выделяет ее? Я бы сказала — невинность.

Мои родители безумно обрадовались, узнав, что я избрана представлять Афины. Одна из семерых детей в семье, хуже того — девчонка. Наше хозяйство не прокормило бы нас. Меня бы или вынудили выйти замуж за земледельца, или, что вероятнее, отослали во дворец служанкой. А все знают, какую именно работу приходится выполнять во дворце юным служанкам и в какой именно позе.

На Крите афинским трибутам дают пищу, кров и работу — *настоящую* работу. Мы слышаны о том, насколько Критский дворец лучше, роскошнее нашего. И теперь я вижу это своими глазами. Когда мы прибыли сюда, уставшие и помятые, нас проводили в комнату с резервуаром для воды и велели умыться. Мы переглядывались, ни один не желал быть первым, кто осквернит мраморную чашу. После повторного приказа стражников я опустила на колени и стала отмывать лицо. Грязная жидкость закружилась передо мной, раздался звук хлестнувшей волны, и муть сменилась чистой водой. Я оторопело плюхнулась на попу, и стражники неприятно засмеялись. У одного из них даже был афинский акцент. Он немного походил на моего друга и соседа Тритоса. Я попыталась вспомнить, был ли у Тритоса родной или двоюродный брат, которого отпра-

вили на Крит в предыдущие призывы. Подумать только: подняться от афинского трибута до критского дворцового стражника! В сравнении с нищими, жалкими Афинами Крит — остров возможностей.

Вот только Тесей, явившийся из ниоткуда принц, накануне отплытия на Крит выступил перед толпой с убедительной речью: «Почему афиняне должны отправлять на Крит свою лучшую молодежь? Только потому, что сына царя Миноса, Андрогея, убили годы назад какие-то разбойники во время путешествия по Афинам?». Да меня тогда еще и в помине не было. Какое мне дело до его сына? Наши мысли сосредоточены лишь на положении, которое мы займем после испытания. Но что же само испытание?

Чтобы удостоиться чести служить при критском дворе, мы должны провести ночь в лабиринте под Кносским дворцом, построенным злым гением Дедалом. Потеряемся в нем — и, скорее всего, умрем. Критяне говорят, что в лабиринте давно уже никто не погибал, но ведь это может быть ложь. Да и сами критяне не отрицают того, что в его сердцевине обитает чудовище.

Тесей, наш новый принц, о существовании которого в Афинах никто и не подозревал до его появления во дворце с мечом Эгея и сыном-подростком за спиной, вызвался отплыть на Крит трибутом. Он решил убить чудовище и покончить с тем, чтобы афинских юношей

и девушек приносили в жертву. По этому поводу тоже ворчали, особенно представители старшего поколения. Как я уже сказала, мое избрание трибутом родители воспринимали как высокую честь. И вот этот принц Тесея, мужчина лет на двадцать старше любого трибута, занял место юного афинянина, у которого в обнищавшем царстве, что унаследует Тесея, нет нормального будущего. Наверное, мы отнеслись бы к происходящему с бóльшим пониманием, если бы трибутом вызвался сын Тесея, но того интересовала лишь верховая езда. Во время избрания трибутов он гарцевал, словно представляя себя на лошади, и вскочил на коня чуть ли не до того, как его отец завершил свою речь.

Царь Эгей благословил Тесея, на миг сжав ткань его туники в руке, будто боясь потерять только что обретенного сына. И на корабль, покидающий Афины, мы поднимались уже с совершенно иной целью. В прошлые годы я радовалась за отплывавших на Крит трибутов и бросала им вслед цветы. В этот раз собравшиеся на причале, отрешенно потарасившись друг на друга, вяло крикнули «удачи» и «надемся скоро увидеться» и разошлись раньше, чем мы подняли якорь.

Я продолжала наблюдать за принцессами. В кои-то веки я наконец отмылась, но их чистота ослепляла. Лица девушек сияли, мое же покрывал загар, который не смыть никакой водой. Я перевела взгляд на стражников. Они

не проявляли неприязни, но копий не опускали.

Однако если один из них афинянин, то он спускался в лабиринт, встречался с чудовищем и выжил.

Чудовище определяет всю суть происходящего. Если оно реальное, смертоносное, самое настоящее чудище, как Сцилла или Харибда, жаждущие нас погубить, то критяне жестоки и вину их не загладят никакие возможные заработки и должности. Если один из нас сегодня может расстаться с жизнью, то Тесея прав. Тогда лучше было остаться в Афинах, потерять невинность, но сохранить жизнь. Хотя при афинском дворе тоже можно лишиться и того и другого.

Я повернулась к Тесею и осознала, что смотрю на него не одна. На него же устремила взор старшая принцесса, Ариадна. Она словно видела в зале его одного. Пытаясь привлечь внимание Тесея, поймать его взгляд, она мотнула головой, так что ее каштановые косы гипнотически взметнулись и опали.

Критяне зашевелились, расправили плечи, и мы, афиняне, придвинулись друг к дружке, зажав Тесея в середине нашего пестрого круга. Мелькнула мысль: «Идет кто-то важный». И точно, мгновением позже в зал вошел царь. Прощавшийся с нами на причале афинский царь Эгей напоминал старую шаркающую развалину. Куда ему тягаться с критским царем. Несмотря на возраст — за шестьдесят, —

Минос был высок и крепок, с золотыми, как у младшей дочери, волосами и рельефными мышцами. В руках он держал необычный двулезвийный топор. Мне потом сказали, что зовется он «лабрис». Еще один символ Крита.

Топор оказался церемониальным. Минос почти сразу передал его стражнику, и тот заботливо и осторожно, точно малое дитя, отнес топор на специальную стойку перед помостом. Стражник поклонился Миносу, и царь в ответ мило стиво качнул головой. Не сдержавшись, я покосилась на Тесея и увидела в его глазах тоску. Возможно, царя-отца он представлял себе именно таким, а не трясущимся — если позволите сказать — пьяницей, который отправлял лучших девушек и юношей Афин на смерть, бросая на прощание «удачи». Минос занял на возвышении центральное место. В установившейся тишине все ждали, когда он заговорит. Царь улыбнулся и распахнул руки.

— Добро пожаловать, юные афиняне! Вы проделали долгий путь, чтобы предстать перед нами, и я благодарю вас за это.

Минос умолк, посмотрел на дочерей. Младшая зачарованно внимала каждому его слову, старшая же явно не слушала. Ее взгляд все это время не отрывался от Тесея.

— Должно быть, вы наслышаны о том, чего мы ждем от вас. Позвольте же мне положить конец сплетням и домыслам. Вы должны доказать, что достойны критского двора, и провести ночь в знаменитом лабиринте, построенном

гениальным изобретателем Дедалом и названном в честь топора, который видите перед собой. В лабиринте темно и сыро. Говорят, там странное эхо: возможно, это стонут призраки, обитающие в его стенах. Задача не для слабых духом. Справившиеся докажут свою благодетельность и получат критское гражданство.

Вряд ли бы кто-то из нас признался, что издал в этот момент хоть какой-нибудь звук, но ахнули все. Гражданство? Крестьянская девчонка, афинская девушка, я и мечтать не смела о подобном. Предлагаемое в самом деле было даром. Мои родители в кои-то веки оказались правы.

— Что насчет чудовища? — спросили зычно из нашей толпы: Тесей, это точно он, хотя и не сводит глаз с Ариадны.

— Чудовище, — задумчиво повторил Минос, облизнул губы, на миг показав почти волчий оскал. — Не стану отрицать, в лабиринте есть чудовище. Но если вы умны, то не станете преграждать ему путь.

* * *

После ухода Миноса, за которым последовали царица с дочерьями, нас отвели в небольшую комнату с расставленными вдоль стен скамейками. Служанки принесли нам вино, блестящие финики в меду и политый оливковым маслом хлеб. Мы жадно набросились на еду. Лишь Тесей не ел. Он сидел в одиночестве, и на его губах блуждала призрачная улыбка.

Я разглядывала покрывавшие комнату фрески. Изображение на дальней стене я видела впервые: мужчина с головой быка и мускулистым человеческим торсом. Казалось, он вот-вот вырвется из картины. Краска на ней была еще свежей. Рисунок встревожил меня: в легендах боги принимают облик человека, но не в таком виде. Не в настолько порочном. Должно быть, это изображение...

— Чудовище, — словно прочел мои мысли Паллас, молоденький пастух, едва мне знакомый. — Какое оно?

Стражники переглянулись, и непохожий на Титоса сказал:

— Ужасное. От него кровь стынет в жилах.

Мы обменялись взглядами. От его слов ничего не прояснилось.

— Но есть множество разных чудовищ, — снова заговорил Паллас. — Оно подобно гиганту Циклопу, или красавице-сирене, или...

— Уж точно не красавице, — прервал парня другой стражник, его афинский акцент заметно усилился. Он точно один из нас. — Даже не надейтесь на такое.

— Вы видели чудовище? — спросила я. Сглупила, привлекая к себе внимание, ведь Паллас, вероятно, задал бы тот же вопрос.

— Конечно, — чересчур решительно ответил стражник-критянин.

Мы вздохнули с облегчением. Они явно его не видели.

Всеобщий настрой вдруг изменился. Мы больше не были добровольными трибунами. Мы стали мятежниками, борцами, объединенными отважным принцем Гесеем.

— Один из вас должен отнести тарелки, — сказал критский стражник. — Кто пойдет? — Он обвел нас взглядом.

Я не посмела вызваться, но незаметно подавалась вперед и, в то время как все отводили взгляды, посмотрела ему прямо в глаза. Сработало!

— Ты, девочка, — махнул он мне рукой.

Я поднялась, стараясь не выдать энтузиазма.

— Отнеси тарелки на кухню, — велел мне критянин.

Я выгнула брови.

— Она понятия не имеет, где кухня, — спокойно заметил стражник-афинянин. — Иди прямо по коридору, у фонтана повернешь направо, затем — опять направо у фрески с быком. Белым быком с серебряными рогами, — поспешно добавил он, опережая мое вопросительное движение бровей. Бык в здешнем дворце изображался на каждой второй фреске. — Дойдешь до кухни, и тебя туда пустят.

Меня загрузили тарелками. Не помешала бы помощь, но мне ее не предложили, да и сама я не хотела идти с компаньоном. Мне как-никак выпала возможность осмотреть дворец.

Я вихляла по коридору, выглядывая из-за горы посуды в поисках фонтана, а потом фре-

ски с быком. Огромный фонтан оказался самым прекрасным рукотворным сооружением, какое я когда-либо видела, капли воды ослепительно сверкали в солнечном свете. Стражник оказался прав: стоило завернуть у фрески с быком, как передо мной возникла служанка и забрала у меня тарелки. Дело сделано.

Следовало вернуться к своим. Путь достаточно прост. А можно сделать вид, что я не знаю дороги назад, и подольше поглазеть на дворец. Теряться я не собиралась. Вместо того чтобы идти назад, я пошла вперед, повернула пару раз направо и наткнулась на очередного быка: вставшего на дыбы. Я повернулась, решив вернуться к своим собратьям-трибутам, и неожиданно уперлась в крепкую мужскую грудь.

Мужчина схватил меня за руку, и я поняла, что легко не отделаюсь. Дура! Как можно было утратить бдительность? Раньше я себе подобного не позволяла. В Афинском дворце-хлеву от мужчин приходится ждать лишь скотского поведения. А тут, во внешне изысканном Кносском дворце, расслабилась, обманулась красотой его фонтанов и расписанных стен. Мужчины везде одинаковы.

Он задрал мою руку над головой и ухмыльнулся. Я открыла рот, чтобы закричать, но не успела.

— Немедленно отпусти ее! — приказал нежный девичий голос.

Мы с мужчиной повернули головы в его направлении, и я не знаю, кто из нас удивился

больше. Он выпустил мою руку и неуклюже поклонился девушке, спешащей к нам по галерее с колоннадой.

— Ваше высочество, — произнес мужчина, развернулся на пятках и ушел.

Я прислонилась к стене и посмотрела на свое запястье с ярко-красной отметиной.

— Больно, наверное? Тебе надо показаться лекарю, — посоветовала девушка.

Я подняла на нее взгляд. Это была принцесса. Та, что младше. И некрасивее, зло подумала я.

— Хорошо, ваше высочество, — ответила я и оттолкнулась от стены, чтобы уйти.

Принцесса не двинулась с места, преграждая мне путь.

— Ты знаешь этого мужчину?

— Нет, ваше высочество.

Откуда, ради Зевса и всех олимпийцев, мне его знать?

— Но ты о нем расскажешь кому-нибудь? — властным тоном поинтересовалась она.

— Кому? — я еле сдержала смех. — И что именно?

Мы с принцессой казались ровесницами, но она еще была по-детски наивной.

— Он причинил тебе боль. В Кносском дворце подобное недопустимо!

— Я не знала, ваше высочество. Совсем недавно прибыла сюда из Афин.

Я пыталась говорить ровным голосом, не выдавая душащего меня смеха.

— Тогда знай: мы ждем от наших подданных высоконравственного поведения. Это человек моего отца. Он обязан следить за своими манерами.

— Мне необходимо идти, ваше высочество. Я должна вернуться в комнату с трибунами. — Я рассеянно махнула рукой в нужную сторону.

— Не понимаю, почему ты так спокойно относишься к случившемуся! — воскликнула принцесса. — Он сделал тебе больно. Ты сама этого хотела?

— Нет, ваше высочество. — В моем голосе проскользнули нотки раздражения. Я не была расстроена, поскольку дальше жесткой хватки за руку дело не зашло. А вот предположение о том, что я сама искала мужского внимания, рассердило не на шутку.

— Тогда что ты от меня скрываешь?

Принцесса хмурилась, морща свой прелестный носик персикового цвета. Уверена: придворные находят это обворожительным. Возможно, даже слагают о нем стихи. Но я не они. Я крестьянская девчонка, поэтому сказала то, что думаю:

— Ваше высочество, вероятно, люди вашего отца ведут себя достойно на публике или в обществе женщин, которых считают равней себе. Но за закрытыми дверями, уверяю вас, они подвержены тем же животным инстинктам, что и крестьяне, работающие на ваших полях. Они даже хуже, поскольку те мужчины

семейные, при женах и детях. У ваших же так называемых аристократов жены сидят по домам, пока сами они во дворце напиваются, панибратствуют и предаются разврату.

Шея принцессы стала пунцовой.

— Я могу приказать убить тебя за разговоры в таком тоне, — медленно произнесла девушка.

— Можете. Но тогда навредите мне больше, чем мужчина, от которого вы меня спасли. — Я вызывающе вздернула подбородок.

— Что я могу сделать? — спросила она тихо, поникнув плечами.

Я покачала головой, вдруг почувствовав усталость.

— Ничего, ваше высочество. Не тревожьтесь.

Говорить нам больше было не о чем. Я обошла принцессу и направилась по галерее с колоннадой к своим. Сделав несколько шагов, обернулась и посмотрела на нее. Она выглядела такой печальной, что мне захотелось ее утешить.

— Принцесса, вы... добры. Простите меня за резкость. Кносский дворец прекрасен. Я рада здесь находиться.

Она улыбнулась, затем сказала:

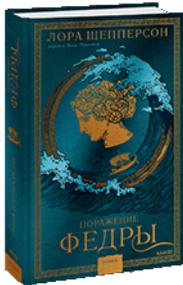
— Но этот мужчина...

Я рассмеялась, горько и безрадостно.

— У Кносского дворца свои секреты — его скрытый под поверхностью лабиринт. Афинский же дворец ничего не прячет. У него все на поверхности и открыто для глаз: злость, жадность, распутство. Там никто не защищен.

Я прикусила язык, испугавшись, что сболтнула лишнего.

Принцесса открыла рот, но тут ее кто-то позвал. Она крутанулась на месте и убежала, оставив меня одну в коридоре, с мыслями, кружащими точно пыль на свету.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

